

Михаил
Романов

Владимир
Кошечев

ИМПЕРЕЦ

РАНГ 1. СТУДЕНТ

Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
И54

В оформлении использованы иллюстрации:
© Calvinda Risky Adiputra, dhtgip /
Shutterstock.com <<http://shutterstock.com/>> / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com <<http://shutterstock.com/>> / FOTODOM

Иллюстрация на переплете *Юлии Пасынковой*

Леттеринг на обложке *Виктории Лукьяновой*

Романов, Михаил, Кощев, Владимир.
И54 Имперец. Ранг 1. Студент / Михаил Романов,
Владимир Кощев. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-227821-1

Я бился за свою страну в половине горячих точек планеты. Я посадил дерево, построил дом, воспитал сыновей. Я прожил хорошую, хоть и страшную жизнь. Но мой бой еще не окончен. Он продолжится в ином мире. Ином теле. И по иным правилам.

Российская империя под скипетром Романовых сильна как никогда. Сочетанием смартфона и фаербола никого не удивишь. Княжичи и бояричи гоняют на дорогих авто, устраивают магические дуэли и кутят на Патриках. И тут на юридическом факультете Императорского университета появляется безродный выскочка с максимальным магическим резервом. Парень с глазами ветерана. Человек, привлекающий внимание аристократов, спецслужб... и красавиц. Имперец.

УДК82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Романов М., Кощев В., текст., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-227821-1

Глава 1

Рация зашипела:

— Охотники на позициях.

— Что там? — спросил я, рассматривая здание.

Стеклянный офисный куб с трудом угадывался в неосвещенной местности. Ублюдки выбрали отличное место, чтобы окопаться. Вокруг перепаханное поле начинающейся стройки и ни столба, ни кустика. Простреливается идеально — обороняться можно бесконечно долго.

Никогда не любил штурмы — ни в той жизни, ни в этой. Раскатать бы этих упырей вместе со всем зданием, но...

Нельзя.

— Здесь магические глушилки, — выплюнула рация недовольно.

Логично, я бы тоже так сделал.

— Часовые? — спросил я.

— Передаю координаты, — отозвалась рация другим голосом.

Коммутатор на запястье пиликнул.

— Принял, — отозвался я, рассматривая россыпь красных точек. — Штурм по моей команде, — приказал, откладывая рацию.

Глушилки — это не проблема. Проблема сидит внутри этого гребаного здания...

Я повел рукой, и в воздухе завис ряд тонких и убийственно эффективных длинных ледяных игл. Щелчок, тусклый блеск льда, и ветер услужливо донес мне звуки оседающих тел.

Думали, магические глушилки вам помогут? Лучше б заглушили систему навигации, дебилы.

Я взял рацию и скомандовал:

— Начали.

И пока мои бойцы зачищали подземную парковку и запасные входы, я, как положено человеку моего аристократического сословия, вошел через парадные двери. С максимальной помпой.

Пока я шел к зданию, толстое стекло входной группы покрылось морозным узором. Щелчок — и стекло рассыпается мелкими осколками, демонстрируя мне обалдевших от такой наглости боевиков.

— Кто-то в теремочке живет? — громко поинтересовался я, переступая через крошево.

Мой голос заставил боевиков очнуться. Дула автоматов вскинулись на меня, я же выставил левую ладонь в защитном жесте, и-и-и... в тишине пустого холла раздалось холостое щелканье.

Сюрпри-и-и-из.

Магия металла превратила первоклассное оружие в бесполезный кусок железа. А в следующее мгновение я чиркнул указательным пальцем по воздуху, и боевики рухнули на мраморную плитку.

— Подвал — чисто, — отчиталась одна из групп захвата.

— Проверить на первом этаже, — скомандовал я, пересекая холл.

Нужно было торопиться — мало ли что этим отморозкам придет в голову, и тогда все происходящее вообще потеряет всякий смысл. Между лестницей и лифтами пришлось выбирать последние. Современное здание не предполагало, что кому-то придется подниматься пешком наверх, и все двери открывались на лестницу. Идти вслепую означало сильно шуметь, а мне не хотелось терять фору.

Красивый и новенький металлический лифт лениво и медленно поднял меня на нужный этаж, приятно пискнул, уведомляя о прибытии, и распахнул двери.

В свежестроенном, почти что хрустящем коридоре стоял десяток боевиков. Эти уже оказались более расторопные, а потому принялись палить сразу, едва я вышел из лифтового холла. Пули летели уверенно, но обтекали меня, словно вода камень. Прошла целая минута беспорядочной пальбы, чтобы обороняющиеся это заметили.

Я же стоял, скрестив руки на груди, и со скучающим видом размышлял, что же произойдет быстрее: кончатся патроны или эти идиоты поймут, что на меня не действуют глушители магии.

Первыми кончились патроны.

— Вы тут что-то обронули, — оскалится я и ткну в боевиков пальцем.

Все выпущенные по мне пули метнулись обратно, мгновенно изрешетив своих бывших владельцев, которые падали прямо поперек коридора. Пока я пере-

шагивал эти малоприятные импровизированные баррикады, мои парни продолжали работать.

— Первый этаж — чисто, — раздалось в гарнитуре.

И следом почти сразу же:

— Второй этаж — чисто.

— Третий этаж — чисто.

В конце коридора виднелась цель моего пути — красивая двустворчатая дверь из какого-то декоративного дерева, уже немного изрешеченная возвращенными мной пулями.

Щелчок, и тяжеленная конструкция из массива дерева просто падает вместе с коробом и куском стены вовнутрь.

— Тук-тук-тук, — мрачно произнес я.

Человек, которого я надеялся и очень не хотел найти, все-таки оказался внутри. И ужас, медленно проступающий на его вечно самодовольном аристократическом лице, все-таки немного сгладил испорченные выходные.

— Я... я... я... — начал заикаться мужчина, чего раньше за ним никогда не наблюдалось. — Я полезнее живым!

— О, жить ты будешь, — согласился я и, когда на лице мужчины отразилось облегчение, добавил: — Плохо, но недолго.

Некоторое время назад

Вспыхнул дежурный свет, и заработало радио прямо на середине новостной сводки. Приятный женский голос рассказывал о том, что акции под-

нимаются вверх и опускаются вниз, что планируется рекордный урожай пшеницы и сахарной свеклы и что цесаревич направился куда-то на границу с Китаем познавать тяготы и радости службы.

Дверь в купе резко распахнулась:

— Просыпаемся, скоро Москва! — бодрым голосом человека, который скоро сдает смену, пропела проводница и упорхнула в следующее купе.

Я еще несколько минут лежал на полке, тупо пялясь в потолок. Мне снилась прошла жизнь, и сон этот нельзя назвать приятным. Мы выбили противника и заняли его укрепления. Но данные об этом еще не дошли наверх, и нас начала бомбить своя же авиация. И я снова запускал в небо красную звезду, которую истребители на своих сверхскоростях просто не замечали.

— Мам, мам, а мы сходим в Детский мир?

— А на Красную площадь?

— А к тете Нине на работу?

Тетя Нина работала на кондитерской фабрике Абрикосова, и об этом знал весь вагон. Собственно, моими соседями по купе была очень уставшая молодая женщина с двойняшками — мальчиком и девочкой — лет пяти. И я счел, что пора применять тактическую хитрость и совершать отступательный маневр, пока детвора не присела и мне на уши.

— Доброе утро, — бодро поздоровался я, легко спрыгивая с верхней полки.

— Доброутро! — пискнули двойняшки.

Я подмигнул девчонке и, прихватив несессер и закинув полотенце на плечо, вышел в коридор.

Самый обычный коридор купейного вагона. И если не знать, то никогда не догадаешься, что это немного не тот вагон, не тот поезд и, если уж быть до конца честным, не та Россия.

Восемнадцать лет назад я переродился в мире, так похожем и так отличающемся от моего родного. Здесь не случилось революции, и империя не рассыпалась. Романовы все так же правят страной, от которой никто не отгрыз ни пяди земли. Здесь не построили Питер, но его функции выполнял Выборг. Правящая семья не роднилась с европейскими, а потому и не пострадала от болезней близкородственных браков. США не стали печатным станком мировой валюты, хоть и отделились. Здесь это главное рабовладельческое государство мира — Юг победил. Британцы все так же ненавидят всех вокруг с высоты своего заплесневелого высокомерия. Инки сожрали конкистадоров и периодически напоминают соседям, почему лучше их не трогать. Реконкиста захлебнулась, и на мысе Рока стоит самая красивая мечеть Европы.

А еще здесь была магия.

Не возникла из воздуха, а была всегда. Стояла наряду с наукой и технологиями. Магия была в каждом, но не однородно. Как цвет волос или глаз, она подчинялась законам генетики, и немцы здесь, как и там, пытались создать арийскую магическую расу. Конечно, им это не удалось, хотя они очень старались. И, будучи на подъеме своей гипотезы, также развязали кошмарную войну.

Но магия подчиняется законам генетики. А все знают, что самые породистые животные самые нездоровые. К счастью, я не застал период этих попыток вывести высшую магическую расу, но о впечатляющем размахе бедствия имел неплохое представление по страницам учебников. Здесь тоже была мировая война, и она тоже несколько лет пила кровь миллионов людей.

Сейчас магический дар является чем-то вроде склонности, определяющей твою жизнь в будущем. В моем мире были технари и гуманитарии, а здесь есть еще третий вариант — маги. И мне, можно сказать, повезло: я обладал достаточным даром для получения магического образования. А как сын погибших при исполнении бойцов еще и квотой на поступление.

Так я оказался в поезде, подъезжающем к Москве.

Где купейный вагон третьего класса для небогатой публики ничем не отличался от купейного вагона моего прошлого мира. Плацкарт, как несложно догадаться, был четвертым классом. Во втором классе примерно в тех же условиях, что и я, ехали благородные, но бедные. А в первом классе типа СВ путешествовали люди при деньгах. Или при деньгах и титуле, но, естественно, в разных вагонах. А еще все это прекрасное разнообразие условий проезда имело цветовую дифференциацию штанов: вагоны красили в разные цвета.

Если бы в прошлой жизни я был историком, наверное, этот мир привел бы меня в экстаз. Ну или близкое к этому состояние: все-таки здесь сохранился тот

дух имперской России, промышленников и благородных офицеров, который часто романтизировали мои современники. Но я в прошлой жизни был военным, так что и особого восторга от антуража альтернативного мира не испытывал. Мир и мир.

Можно сказать, еще одно задание. Только теперь задача была простой и миролюбивой: жить и наслаждаться жизнью. Почти что пенсия по выслуге лет, только с бонусами.

Я плеснул себе в лицо плохо прогретой воды и посмотрел в уже порядком заляпанное зеркало. Оттуда на меня смотрел парень того классического славянского типажа, какие рисуют в детских мультиках для девочек. Голубые глаза, светлые коротко стриженные волосы, ямочка на подбородке. У этого тела был отличный генофонд, хотя фотографий родителей мне не досталось.

Я провел в царском приюте всю сознательную жизнь. Элитном приюте, надо сказать, куда свозили детей таких же боевых родителей, как и у меня. Хотя, наверное, жизнь в приюте не показалась бы мне легкой, если бы я на самом деле был мальчишкой-сиротой.

Но я им не был.

Казанский вокзал этой Москвы почти ничем не отличался от Казанского вокзала той. Те же ларьки с едой, газетные киоски с одноразовыми книжками и узкий заплеванный перрон. Скучающие полицейские с откормленными Мухтарами.

Но чем ближе ты подходил к вокзалу и изголовью поезда, тем чище становилось под ногами, громче

шумела людская толпа, а благородные пассажиры, высаживающиеся из своих красных вагонов за ограждением из толстого армированного стекла, казались немного нелепыми. Как будто не их ограждали от плебса, а плебс ограждали от них.

Я путешествовал налегке с одним рюкзаком, вместившим все мои нехитрые пожитки. Сироты были на полном гособеспечении, но при таком подходе личных вещей нажать практически невозможно. От родителей, может, и осталось какое-то наследство, но этим вопросом я мог заняться только после наступления совершеннолетия, которое догнало меня второй раз в жизни три дня назад.

Дойдя до вокзала, я растерянно замер, пытаясь вспомнить, куда идти. Это было чисто рефлекторное, но абсолютно бесполезное занятие — несмотря на внешнюю схожесть, внутри помещение отличалось до неузнаваемости. Например, не было типичных ларьков с хот-догами, зато были пирожки, а вот шаурма и здесь прижилась.

Пока перекусывал за высоким стоячим столиком в местной закусочной, отыскал глазами бессмертную букву «М». Все-таки Москва — красна, и метро здесь тоже обозначали красным символом. Вот только было оно не имени Ленина, а имени Николая III, в народе именуемого Железным за то, что активно развивал тяжелую промышленность.

Прихватив бутылку кваса с собой, я отправился на поиски своего будущего учебного заведения. Именовалось оно Императорский Московский Университет

и располагалось когда-то в удаленном от жилых кварталов месте. Но город рос, и теперь ИМУ находился ближе к центру, чем к окраине Москвы. Одним боком он прижимался к Москве-реке, а другим — к Большой Донской улице, в моей памяти именуемой Ленинским проспектом.

Собственно, университет занимал территорию Нескучной усадьбы, и обучали там исключительно магически одаренных студентов. А теперь и одного перерожденца.

Идя вдоль высокого глухого забора из красного кирпича, я думал больше о военной части, чем о светском учебном заведении. С другой стороны, здесь была концентрация магов-недоучек в период гормонального взрыва, так что, возможно, к глухой стене следовало бы еще добавить колючую проволоку под напряжением. Все-таки кругом мирные жители, а через дорогу вообще монастырь.

Ну и не прошел я сотни метров, как моей гипотезе нарисовалось самое красочное подтверждение. У распахнутых настежь парадных ворот назревал типичный конфликт на тему у кого длиннее и толще.

— Ты кто вообще такой? — лениво растягивая слова, проговорил парень мажористого вида.

Он был среднего роста, средней комплекции и, судя по всему, среднего интеллектуального развития, но о его статусе и финансовом благополучии кричало все. Вообще все. Одежда с шильдиками модных домов, зализанные гелем русые местами покрашенные волосы, которые долго укладывают, чтобы они торчали

как будто в художественном беспорядке, серьга в ухе с неким блеском. Я бы считал его кем-то из нуворишей, но перстень на пальце свидетельствовал о принадлежности к аристократии. Парень смотрел высокомерно, холодно и, видимо, думал, что выглядит эффектно, но выглядел смешно, хотя за его плечами стояло человек десять группы поддержки.

— Тот, кто впечатает твою рожу в асфальт! — представлялся его собеседник. — Руки от девчонки убери, пока я их тебе не переломал!

Второй парень тоже был из благородных, но, видимо, не слишком благополучных. Он был бы блондином, если бы не короткая стрижка под машинку. Безликая белая футболка и джинсы — одежда простого народа, никак не аристократа, сам в такой иду. Но перстень, перстень палил его породистое происхождение.

— Ты серьезно думаешь, что у тебя силенок хватит со мной тягаться? — искренне изумился мажор.

— Круче меня только драконьи яйца, — оскалился второй парень, — и они у меня с собой. Показать?

И потянулся к ремню брюк.

От такого ответа охренели вообще все присутствующие: и собеседник, и его группа поддержки, и несчастная рыжая девчонка, которая, кажется, хотела мимикрировать под кирпичную стену. И это ей могло бы удаться — от последней фразы бедолага пошла красными пятнами.

Я же против воли ухмыльнулся и чуть замедлил шаг, размышляя, обходить начинающуюся потасовку

